

А. В. Жугра
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
ajugra@rambler.ru

ЧТО ЗАВЕЩАЮТ ГЕРОИ АЛБАНСКОГО ЭПОСА?

В состав героического эпоса многих традиций включаются тексты малых фольклорных жанров — приветствия, пожелания добра или зла, плачи, завешания. В составе героических албанских песен также присутствуют названные фольклорные жанры. В данной статье анализируется один из этих жанров — завешание, выражаемое лексемой *amanet* ‘зalog, просьба, завешание’. Главная функция завешания в албанском эпосе заключается в раскрытии характера героя, его нравственных качеств и понимании им своего места в социуме.

Ключевые слова: эпос, албанский, завешание, залог, герой, характер.

A. V. Zhugra
Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia. ajugra@rambler.ru

Testament of a hero in Albanian epic poetry

The composition of the heroic epos in many national traditions includes texts of small folklore genres — greetings, wishes for good or evil, laments, testaments. These folklore genres are also present in the composition of the heroic Albanian songs. The article analyzes one of folklore genres denoted by the Albanian word *amanet* ‘pledge, request, testament’. The main function of the testament in the Albanian epic is to reveal the character of the hero, his moral qualities and his understanding of his place in society.

Keywords: epic, Albanian, testament, pledge, hero, character.

Вступительные замечания

Для обозначения понятий *завешание завет* в албанском языке имеются три слова: *amanet* < тур. *emanet* ‘зalog’ (Çabej II), *testament* < ит. *testamento* ‘завешание’ (Topalli). Сложнее установить непосредственный греческий источник для третьего — алб. *dhiatë*. Э. Чабей возводит его к некоему ново- (или средне-)греч. *διάτα* от глагола *διάτάσσω* ‘устанавливать, давать указания’ (Çabej IV), Происхождение алб. *dhiatë* от древне- или новогреческого *διαθήκη* ‘завет’ Э. Чабей вслед за Г. Майером отвергает. Заметим, однако, что новогреческий глагол *διαθέτω* ‘устанавливать, завещать’ имеет производные *διάθεσις* ‘расположе-

ние, размещение' и διάθεσις 'то же' с пропарокситонным ударением.

Эти три заимствованные лексемы, совпадая в указанном значении, различаются в объеме и структуре выражаемых ими других значений, а также в функционально-стилистическом отношении — для слова *testament* на первый план выдвигается значение завещания как юридического документа, за словом *dhiatë* закрепляется обозначение Ветхого и Нового заветов, для слова *amanet*, имеющего помету *разг.*, словари фиксируют в качестве первого значение 'залог, заклад' (Fjalor). В тексте эпических песен представлена только и единственно лексема *amanet*.

Исторически лексема *amanet* засвидетельствована впервые в богословских текстах XVII–XVIII вв. в форме *amanat*, (т. е. с регрессивной ассимиляцией ударного гласного *-a-*) в значении 'просьба, обещание' (Ashta 2009: 59). Видимо, *amanet* довольно быстро вошло в народный язык, на что указывает использование его в поговорках, напр. *Amaneti — gur mulliri* 'Залог — мельничный жернов', т. е. такой же крепкий и надежный.

Завещание в обычном праве

В истории завещания как правового понятия выделяется этап патриархального общества, когда глава рода своим завещанием назначает наследника, и этап государственности, когда функцией завещания становится раздел имущества умершего между его наследниками (БРЭ 2008: 155).

Общество, в котором живут албанские богатыри, еще не знает государственного устройства — все определяется нормами унаследованного от предков обычного права. Исторически такая ситуация соотносится с реальным состоянием отдельных регионов Албании от древности почти до середины XX в. Одним из регионов, долгое время сохранявшим устои родоплеменной организации общества, был регион горных областей северной Албании.

Здесь все социальные и общественные отношения определялись нормами Кануна, существовавшего в устной форме в памяти старейшин и записанного и кодифицированного монахом-францисканцем Штьефеном Гъечовым (1874–1929) в

начале XX в. Канун был издан в 1933 г. под названием «Kanuni i Lekë Dukagjinit»¹ (далее Канун).

Основным субъектом права в Кануне является большая семья, и все семейное имущество является общим владением.

В разделе Кануна, регламентирующем имущественные отношения в семье, имеются, в частности, главы восьмая «Наследство» и девятая «Завещание». В восьмой главе рассматриваются права членов семьи на наследование имущества по Кануну. Эти «узаконенные» права определяются степенью кровного родства по отцовской линии, что делало назначение наследника с помощью завещания (институционального завещания) вещью крайне редкой (Pipovci 1972: LXXV).

В девятой главе речь идет о завещании — его составлении и видах. Примечательно, что начинается девятая глава с примечания кодификатора: *Kanûni i Lekës nuk njef testamende* (Канун: Нуе 39) «Канун не знает завещаний». Это утверждение станет понятным, если учесть, что в данной главе речь идет только об одном виде завещаний — о завещании *per shpirt* ‘на спасение души’, т. е. об отказе имущества в пользу церкви². Для обозначения понятия завещание Гьечов использует явно книжный термин *testamend*, а также два производных от албанских глаголов *lë* ‘оставлять’ и *fal* ‘дарить’ — термины *të lânunat* ‘оставление’ и *të falmet* ‘дарение’, возможно, изобретенные им самим.

Таким образом, если институт наследования в Кануне был достаточно жестко разработан, то в разделе завещания рассматривается только завещание в пользу церкви и приводится его народное обозначение — *me lânë gjâsend per shpirt* «оставить что-нибудь на спасение души (букв. «для души»)».

Учитывая этот исторический фон, можем предполагать, что рапсоды, создавшие тексты «завещаний» эпических героев, не имели возможности опираться в этом на какие-то канонические

---

¹ В русском переводе текст Кануна включен в книгу «Памятники обычного права албанцев османского времени» под названием «Канун Леки Дукагини» (далее Канун).

² Высоко оценивая труд Шт. Гьечова как кодификатора, некоторые исследователи, тем не менее, определяют положения Кануна, направленные на закрепление привилегированного положения церкви, как своего рода результат манипуляций автора (Pašic E., Pašic D).

формулы³, но должны были выступить в некоторой степени как творцы. В содержании эпических завещаний, как будет показано, преобладают элементы личностного характера, а не общественного, что также связано, видимо, со спецификой патриархального общества.

Amanet в тексте героических песен

Слово *amanet* не относится к числу самых частотных лексем албанского эпоса, на корпус текстов в 100 песен (20 000 стихов) приходится всего 56 словоупотреблений в 28 песнях. Заметим, однако, что для слова с отвлеченной лексической семантикой этот показатель считаем достаточно высоким. Характерно, что в текстах представлено употребление слова *amanet* не только как полнозначной лексемы, но и как дискурсивного элемента, способствующего установлению доброжелательного контакта с собеседником. Это связано с тем, что данная лексема употребляется почти исключительно в речах героев (54 с/у из 56), звучащих в разных коммуникативных ситуациях и обнаруживающих значительное разнообразие как по форме (диалоги и монологи), так и по содержанию.

Основные синтаксические модели с лексемой *amanet*, засвидетельствованные в тексте эпических песен

1. *amanet* 'просьба' + обращение + глагол *lë* 'оставлять'. Глагол *lë* выступает, как правило, в одной из форм актуального настоящего с включением кратких форм личных местоимений: *amanet po ta la* 'просьбу (вот) тебе (её) оставляю' или (редко) в форме перфекта опатива: *amanet ta paça lanë* 'просьбу да оставил я тебе', употребленной в значении будущего.

2. *amanet* 'гарантия, обязательство' + сущ. в Асс. + глаголы *kam* 'иметь', *lë* 'оставлять'. Существительное *amanet* употребляется здесь в значении наречия. Значение этой конструкции — получить от кого-либо или вручить кому-либо какой-нибудь предмет с гарантией его сохранения или передачи третьему лицу. Так, на просьбу Муйо отдать ему письмо, гонец отвечает: *Amanet letrën unë e kam, / kurkuj letrën mos me ja dhanë, / Zukut në dorë pa ja dhanë* (94: 23–25) «Письмо я получил (букв. имею) с обязательством, / никому письмо не отдавать, / не отдав его Зуку в руки».

³ О языке «Кануна», в том числе о формулах и формульных словосочетаниях см.: Desnitskaya 1983.

3. *amanet* ‘прошу’ + обращение + вопросительное предложение. Лексема *amanet* в таких конструкциях передает стремление говорящего сделать учтывым начало диалога: — *Amanet, more djali i mirë, / po ty me emën qysh të thonë?* (17: 37–38) «Прошу скажи, добрый молодец, / а тебя по имени как зовут?».

Amanet в составе текста завещания

Фрагмент текста с описанием завещания героя содержит две составляющих — само завещание и предваряющее его формульное выражение, построенное по модели 1 *amanet* ‘просьба’ + обращение + глагол *lë* ‘оставлять’ и выражающее чаще всего просьбу. Вслед за этой вводящей просьбу конструкцией следует изложение самой просьбы, в которой желаемое от адресата действие может быть выражено глаголами в формах: императива, инфинитива, презенса конъюнктива (во 2-м лице) и будущего времени гегского типа (во 2-м лице).

Наряду со значением просьбы, названное выше формульное выражение в определенном контексте может иметь значение завещания. Последнее появляется в условиях сакральной коммуникативной ситуации. Сакральной в эпических песнях является ситуация, в которой богатырь находится (оказывается) перед скорой (близкой) смертью, — из-за тяжелых смертельных ран, полученных в бою, или перед казнью в стане врага.

Отмеченная ситуация наступает для героя внезапно, он к ней не готовился, не обдумывал предварительно слова, он произносит то, что для него является безусловно главным. Завещание героя, произнесенное в такой переходный момент его жизни, осознается им как возможность выразить его «последнюю волю».

Наряду с названной ситуацией, которую можно обозначить как героическая, в текстах песен представлены ситуации и с другими персонажами, не-богатырями, попавшими в трагическую коллизию и принимающими решение уйти из жизни. Эти персонажи также оставляют свои завещания.

В других, не-сакральных коммуникативных ситуациях сочетание *amanet* с глаголом *lë* ‘оставлять’ выражает значения просьбы, поручения.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением значения завещания, которое оставляют и герои, и не-герои эпического повествования.

Завещания богатырей

Завещание Муйо

Муйо — главный богатырь, самый сильный и непобедимый, дружинники считают его своим предводителем. У Муйо есть маленький сын Омер, которого отец готовит к такому же воинственному промыслу. Собираясь в поход, Муйо велит своей жене дать им с собой еды: *me uj prej bunarit* ‘с водой из колодца’ для него самого, *me lang prej sheqerit* ‘с сахарной водой’ для Халиля и *me tamël prej gjiut* ‘с грудным молоком для Омера’. Отметая возражения жены, Муйо говорит, что должен успеть научить сына военному делу: *n'bjeshkë sot un po due me dalë, / ndoshta e kam exhelin me dekë / e pa zanat Omeri po m'jet* (30: 19–21) «Сегодня я собираюсь выйти в горы, / может быть, мне судьба умереть / и без ремесла останется у меня Омер».

В других песнях сын Муйо еще только должен родиться, но мысли о сыне и его будущем — вот что главное для героя в его последний час. Муйо ранен в жестоком сражении в горах и, чувствуя скорое приближение смерти, произносит свое последнее желание:

— *A merr vesht, Arnaut Osmani?
Ma i pari shoq ti mke qillue,
amanet ty po ta la,
armë e petka n'shpi me m'i çue,
me ma çue gjogun e mejdanit,
se e kam lanë nji nuse me barrë
e me dashtë zoti nji djalë me m'ja falë,
armë e petka gatshëm qi t'i gjejë.* (33: 21–28);

«— А знаешь, Арнаут Османи? / Самый первый друг ты у меня, / просьбу (завещание) тебе я оставляю, / оружие и одежду отвези мне домой, / отведи богатырского коня, / потому что я оставил дома жену в тягостях / и, даст Бог, родится у меня сын, / оружие и вещи будут [для него] готовы».

Муйо завещает сыну своего коня и одежду (это «вещное» наполнение завещания), но передает завещание через своего друга, к которому обращается со словами *amanet ty po ta la*, «[последнюю] просьбу тебе оставляю», что фактически и означает «завещаю тебе». Уповая на Бога в надежде, что родится сын, продолжатель рода, Муйо своим завещанием назначает его также и как будущего наследника. Здесь Муйо выступает не только как любящий отец, но и как глава семьи.

Завещая Арнауту Османи реализацию своего завещания относительно сына, Муйо доверяет другу самое ценное, что только может быть. Драматизм ситуации, однако, усиливается тем обстоятельством, что «первый друг» оказывается вовсе не друг, — это алчный и злобный человек, заявляющий умирающему Муйо, что сам воспользуется его имуществом, и желающий ему рождения дочери.

С аналогичной просьбой-завещанием обращается Муйо к своим товарищам и в другой песне, где завещаются те же вещи, лишь обозначаемые лексически по-иному: *petka* ‘вещи’ заменяется на *tesha* ‘то же’, *me barrë* ‘беременная’ (букв. ‘с грузом’) заменяется турцизмом *uzër* ‘то же’ (62: 70–76).

Оружие, боевой конь и снаряжение представляли главную ценность⁴ и личную собственность богатыря, потому что они позволяли герою быть доблестным в бою и прославиться. Именно эти вещи и завещает Муйо своему сыну Омеру.

Завещания Омера

В текстах песен представлены три варианта завещания Омера, существенно различающиеся и содержательно, и по объему, при этом во всех сохраняется один общий элемент. Сын Муйо, юный Омер, не смотря на свой малый возраст, в бою проявил себя как настоящий богатырь, храбрый, стойкий и находчивый, победивший превосходивших его по числу недругов-славов. После сражения на обратном пути домой герои вышли на высокую гору и здесь Омер попросил остановиться, потому что от полученных ран душа его вот-вот покинет тело, и он хочет оставить завещание.

Омер просит не говорить матери, не говорить его невесте о том, что он умер, а сказать им, что он остался у дяди. Просьба

⁴ Известна любовь и особое отношение албанцев к оружию. В одной из исторических песен герой по имени Халит Дука смертельно ранен в бою с турками. Он обращается к товарищу с просьбой: *Çomia nanës i' amanet, ..., çomia pushkën me gjith rreth* (Visaret e kombit, X. Tiranë, 1944, с. 121) ‘отправь моей матери одну вещь [на память], ..., отправь ей [мое] ружье с патронташем’. Как отмечают издатели текста, самое ценное и святое, что герой может (просит) послать своей матери с поля битвы — *pushkën me gjith rreth* это ружье и патронташ; для нее они будут «самым святым напоминанием» (*kujtimi më në shenjë*) о ее сыне. Вообще у албанских горцев эти предметы часто являются своего рода «богатырским» украшением жилища.

Омера понятна — он не хочет никого огорчать своей смертью, потому что он любит своих близких и потому что он способен к сопереживанию. Соккрытие правды от близких составляет содержание завещания в песнях № 30 и № 42, имеющих одинаковое название «*Deka e Omerit*» («Смерть Омера»). Нежная любовь Омера к матери, понимание той боли, которую принесет ей весть о гибели сына, более ярко выражена в песне № 30:

*se jam dekë mos me i diftue,
se m'ka dashtë e nis me vajtue,
se m'ka dashtë e nis me mjerue,
me mjerue e vorrin tuj ma lypë* (30: 155–158)

«О том, что я умер, ей не говорите, / потому что она любила меня и начнет плакать, / потому что она любила меня и будет несчастна, / будет горевать и могилу мою искать»⁵.

В песне «*Vdekja e Ymerit të Mujit*» («Смерть Омера, сына Муио») завещание Омера отличается от двух других и содержательно, и по объему (13 стихов против 4 и 7). Главная тема здесь — конь Омера, и это становится понятно, если вспомнить о замечательных качествах эпического коня и о его роли как друга и помощника богатыря. В этой теме коня существенны три распоряжения Омера: как похоронить его самого, как содержать коня и как устроить раз в году их встречу. Приведем этот отрывок полностью:

— *Nji amanet, Mujo, jam tuj ta lanë:
t'ma punojsh mue nji vorr të gjanë,
doren jashtë, Mujo, ke me ma lanë,
gjogun tem në burg ke me ma mbyllë
e përjashta kurr mos m'e qitë
e në vend t'ebit oriz ke me i dhanë,
në vend t'ujit venë ke me i qitë me pijë,
një herë në vjetë te vorri me ma pru,*

⁵ Эти же человеческие чувства любви к близким и нежелание приносить им страдания видим и в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Завещание». Здесь умирающий от ран солдат просит своего товарища не говорить его родителям правды о гибели их сына: «*Признаться, право, было б жаль / Мне опечалить их; / Но если кто из них и жив, / Скажи, что я писать ленив, / Что полк в поход послали / И чтоб меня не ждали*». Цит. по: Лермонтов М. Ю. Полное собр. сочинений. Т. 1. М.-Л.: ОГИЗ, 1947. С. 69–70.

*sall un kamben me dorë me ja zbunue,
por gjogun mos ma len me hingllue,
se me shqelma vorrin ka me ma rrahë,
ka më dijë se mbrendë un këtu kam hi (70: 175–186)*

« — Завещание, Муйо, я тебе оставляю, / сделай мне просторную могилу, / [одну] руку мою, Муйо, оставь снаружи, / коня моего в стойле запри / и [чтобы] наружу его никогда не выводить, / и вместо ячменя давай ему рис, / вместо воды давай пить вино, / один раз в году приводить его к моей могиле, / только бы мне рукой погладить его ногу, / но не позволяй коню ржать, / ведь станет бить копытом по могиле, / поймет, что я сюда внутрь вошел».

Первые два стиха сразу вызывают в памяти многочисленные на Балканах легенды о замуровывании человека при строительстве какого-либо здания (крепости, церкви) или моста (Sako 1966; из сравнительно недавних работ см., например, Murtezani 2012). В албанских легендах часто замуровывают молодую женщину, имеющую маленького ребенка. Женщина просит оставить снаружи её правую руку, чтобы приласкать ребенка, правую грудь, чтобы покормить его молоком. Эти легенды указывают на мифологическую основу представлений о так называемой строительной жертве, которая делает возводимое строение прочным.

Текст завещания Омера построен таким образом, чтобы вызвать у слушателя ассоциации с хорошо известным ему завещанием героини легенд о замуровывании. Эти ассоциации вызывают в памяти образ человека, который и после своей смерти продолжает заботиться о близком и родном ему существе, хочет коснуться его и приласкать.

Последующие стихи текста завещания, касающиеся того, как содержать коня и чем кормить, представляют собой типичные формульные клише, которые часто используются при описании богатырского коня. Далее следует трогательная просьба о свидании с конем — хотя бы раз в году прикоснуться к нему, и выражается беспокойство — как бы конь не понял, что его хозяин в могиле.

Завещание Омера — это естественное движение души человека чуткого и доброго, способного на сострадание. Отметим кстати, что в речи Омера используется глагол *zbunoj* ‘уговаривать по-доброму, ласкать, баловать’, совершенно не характерный для языка албанского эпоса, изобилующего «суровой» лексикой, а также пожеланиями блага и зла и проклятиями.

Завещание Дердь Элез Алийи

Песни о Дердь Элез Алийе составляют отдельный небольшой цикл, существующий параллельно с циклом о братьях Муйо и Халиле. В этих песнях Дердь Элез Алийя, предстает как защитник родной земли и как символ братской верности⁶.

Девять лет он изнемогает от девяти ран на теле, и только его сестра день и ночь преданно ухаживает за ним, омывая раны своими слезами, осушая кровь своими волосами. Но молва донесла, что *i' baloz i zi â dalëe prej detit* ‘черный балоз с моря появился’, который наложил на страну тяжелую дань, а с каждой семьи требует присылать ему по одной девушке. Когда дошла очередь до героя, он встал со смертного одра и вышел на поединок с морским чудовищем. В словесной дуэли, предшествующей схватке, Дердь Элез Алийя заявляет: ... *ne t'parët nji kanu na kanë lanë: / "Armët ma dhanë përpara e mandej gjanë, / kurr balozit motrën mos m'a dhanë, / për pa u pre n' at fushë e mejdanit!"* (5: 134–137) «Предки нам оставили правило (букв. закон): / “лишиться сначала оружия, а потом уж добра, / никогда не отдавать балозу сестру, / пока не сразишься с ним на поле поединка”». Это означает, что правила **кануна** наш герой воспринимает как *заветы предков*, которыми он руководствуется в своем поведении. Эти заветы — защищать свою землю и богатство, защищать личную честь — уже сформулированы в Кануне, они всем известны, именно ими руководствуется герой.

Дердь Элез Алийя побеждает зло и насилие, воплощенные в фигуре байлоза, потому что опирается на *tërë idealin e shoqërisë së kohës* «нравственный идеал общества своего времени» (Shala 1983: 237). Но герой умирает после победы, умирает и сестра у него на руках. Их хоронят в одной могиле, на которой воздвигают каменную насыпь, а в изголовье сажают липу.

Перед смертью Дердь Элез Алийя собирает всех своих товарищей и объявляет им :

⁶ Этот легендарный персонаж, «храбрец из храбрецов», встречается также в эпической поэзии и литературе Боснии и Герцеговины и Косова. Имеются исследования, в которых авторы (см.: Elsi 2001) соотносят эту фигуру с исторической личностью XV в. Гюрцем Ильясом (Gürz Ilyas).

— *Pa ndigjoni, more shokët e mij!*
Falë u kofshin sarajet e mija!
Falë u kofshin tanë paret e mija!
E u koftë falë krejt malli e gjaja e shpisë!
Amanet motra e Gjergj Elez Alisë! (5: 156–162);

« — Послушайте, мои товарищи! / Подарены да будут вам дворцы мои! / Подарены да будут вам все деньги мои! / Подарено да будет вам все богатство [моего] дома и скот! / Препоручается [вам] сестра Дердь Элез Алийи?»

Такова предсмертная воля героя: имущество свое он завещает = дарит товарищам, и сестру — завещает = препоручает им же.

Разное предметное наполнение завещания оформлено по-разному: и лексически, и синтаксически. Материальные ценности (движимое и недвижимое имущество) здесь именно дарятся, что выражается сложным предикатом — причастие от глагола *fal* ‘(по)дарить’ и оптатив от глагола *jam* ‘быть’. Напомним, что глагол *fal* использовался Шт. Гечовым для обозначения понятия завещание. Вторая завещаемая ценность, отнюдь не материального характера, это сестра героя, в отношении которой употреблено слово *amanet*, звучащее в данном контексте как «заклинаю, берегите!».

В данном фрагменте обнаруживается еще одна особенность. В тексте собственно завещания видим своеобразное сочетание элементов перволичного повествования (притяжательное местоимение *e mij/e mija* ‘мой’) с элементами повествования от 3-го лица, а в последней строке дано сообщение о себе в третьем лице (прием остранения). Последнее позволяет объяснить необычный синтаксис этой строки: *Amanet motra e Gjergj Elez Alisë!*, где существительное *motra* стоит в именительном падеже. В случае речи от 1-го лица ожидалось бы *amanet motrën*, как в названной выше модели 2.

Использование приема остранения, несомненно, усиливает эмоциональное звучание этого завещания, напоминая о том, что препоручается заботам друзей сестра не кого-нибудь, а именно Дердь Элез Алийи, прославленного героя. Заметим, что феномен остранения довольно характерен для албанской речевой коммуникации.

То, что главным для Дердь Элез Алийи является забота о сестре, вполне соответствует нормам патриархального общества, в котором женщина находила защиту, прежде всего, у своих кровных родственников — отца и брата, при этом брат всегда оставался самым близким человеком и заступником.

Завещания других героев (не-богатырей)

Завещания появляются в некоторых песнях, в которых повествуется о трагической судьбе влюбленных, насильно разлученных по воле матери жениха. В песне «Çika Potureshë» («Девушка Потуреша») влюбленные поклялись, что когда им исполнится по пятнадцать лет, они вместе пойдут под венец. Но мать сосватала Хасана без его ведома, и его собственная свадьба началась для него неожиданно. Оставшись наедине с невестой в комнате для новобрачных, Хасан пишет письмо со своим завещанием и просит невесту передать утром это письмо его матери, а сам ударяет себя в грудь ножом и *jetë djali shpejt ka ndrrue* (46: 125) «и тотчас юноша умер (букв. жизнь переменял)».

О чем же пишет в своем завещании этот совсем еще молодой человек? Какова его последняя воля?

Для него важны две вещи: первое — это сама свадьба и ответственность перед пришедшими на нее гостями, второе — это желание распорядиться о собственных похоронах.

Хасан просит *aspak dasmen thot-e mos m'e ndalë, / muhabetin hiç-e mos m'e çartë / e dajre e kang-e aspak mos me i dalë* (46: 158–160) «Никак свадьбу, говорит, не останавливать, / беседу нисколько не разрушать / и бубны и песни не останавливать».

Хорошо известно, что в патриархальном обществе неукоснительно выполняются все установления, которые организуют и регламентируют общественную жизнь, а также так называемые обряды перехода, в которые входит и свадьба. Все этапы свадебного ритуала детально прописаны и должны неукоснительно исполняться: «Ничто не может помешать поезжанам отправиться в путь, даже смерть, случись она в родительском доме жениха или невесты» (Канун: § 44). Понятно поэтому, что Хасан прежде всего не хочет, чтобы его смерть нарушила уже начавшийся свадебный ритуал и огорчила гостей, не хочет тем самым потерять лицо.

Чувствуя себя невольным виновным в нарушении клятвы и оставаясь верным своей девушке Потуреше, Хасан хочет побыть возле нее после своей смерти. Он завещает своим товарищам не удаляться: пусть *t'gjith-e me m'percjellë* «все проводят меня», и пусть *n'dhe me m'shtimun n'lagjen Potureshë* (46: 163–164) «Положат меня на землю в квартале [у дома] Потуреша».

Узнав о смерти любимого, девушка тоже кончает с собой и просит похоронить ее вместе с Хасаном в одной могиле. Так

молодые люди могли бы соединиться и быть рядом хотя бы после смерти, но по злой воле матери Хасана этому не бывать. Она завещает имамам похоронить себя между молодыми в одной с ними могиле и тоже кончает с собой. Над головой молодых выросли гвоздика и роза, над головой матери — шиповник, и как бы ни хотели цветы соединиться, не дает им этого колючий шиповник.

Завещание Хасана отражает как его личные качества — желание остаться верным данному слову, так и понимание им своей роли как социального лица — стремление соответствовать принятым в обществе нормам поведения.

Выводы

Все четыре рассмотренные завещания существенно разнятся между собой, как разнятся и оставляющие эти завещания герои.

Для Муйо, первого богатыря в дружине, главным является желание, чтобы богатырство как образ жизни продолжилось в его сыне, и чтобы род не прерывался.

Для Дердь Элез Алийи важен общественный смысл его поединка с чудищем-байлозом — защита своей земли и имущества, защита личной чести. Такую патриотическую задачу завещали ему предки. Этим определяется поведение Дердь Элез Алийи как образцового члена общины. Как человек он обнаруживает щедрость (дарит свое богатство товарищам) и братскую заботу о сестре (завещая друзьям заботиться о ней).

Для юного Омера на первом месте оказывается нравственный момент — чисто человеческие чувства любви и сострадания к ближним, нежность и чуткость сына, а также забота о верном друге-коне.

Для Хасана важно сохранить слово верности, данное любимой девушке, но так же важно не нарушать принятые в обществе правила, не причинить невольно обиды своим гостям.

Таким образом, все завещания, за исключением завещания Омера, вполне реалистичны, они касаются практических жизненных целей — вырастить сына, распорядиться своим богатством, доверить сестру надежным друзьям, проявить уважение к гостям и доказать любимой девушке свою верность.

Завещание Омера, напротив, построено на сочетании реальных человеческих чувств и мифологической веры в загробную жизнь.

Мастерство неизвестных рапсодов индивидуализирует каждого из этих персонажей, но в то же время с любовью рисует их благородными в последний момент их жизни.

Индивидуализация эта, однако, укладывается в рамки того, что мы и ожидали от наших героев, соответствует созданным типическим образам. Эпические герои совершают необыкновенные подвиги, обладают сверхъестественными качествами, но в завещаниях проявляют себя как обычные люди, их волеизъявления естественны, понятны и ожидаемы читателем. В этом можно видеть проявление феномена, обозначаемого термином «эпический реализм», по которому «герои и героини в героической поэзии — не идеальные образы, а типы» (Steblin-Kamensky 1984).

* * *

Рассмотренные фрагменты текста эпических песен представляют собой завещания, маркерами чего являются вводящие их словосочетания *amanet juve po ua la* «оставляю вам завещание» и контекст, указывающий на сакральный характер ситуации. Этим условиям, однако, недостаточно для того, чтобы употребление названной конструкции можно было бы однозначно интерпретировать как завещание. Необходимо, чтобы сам говорящий осознавал свои слова как свою последнюю волю. При отсутствии такого осознания даже в условиях сакральной ситуации произносимый текст может быть проявлением страстной мольбы, горячей просьбы, но не завещания, как об этом свидетельствует следующий пример.

Amanet ta paça lanë —

‘умоляю’ (букв. завещаю) в сакральной ситуации

В песне «Martesa e Halilit» («Женитьба Халилия») герой попадает в крайне опасную ситуацию: он находится в плену у краля в г. Новые Которы и его должны казнить. Городская площадь полна народом, все смотрят на закованного в кандалы Халилия, которому дана возможность сказать последнее слово. Он поет песню «на языке предков», в которой напоминает солнцу и знам, что они обещали ему свое покровительство. Со страстной мольбой обращается он к солнцу:

A po m'gjegjesh, more diell? «Слышишь ли ты меня, о солнце?
Pash njet dritë, qi t' lakron n'ballë, Заклинаю этим светом, который
сверкает у тебя на челе,
amanet ta paça lanë, просьбу тебе оставляю,
amanet për t' mbramen herë! просьбу в последний раз!
Kërkoe bjeshkën krep e m'krep, Обыщи ты горы от скалы до скалы,
kërkoi mrizet gjithku janë, обыщи лужайки везде, где только есть,
ndezi ashtat anemanë, зажги леса буковые со всех сторон,
zirjau gjumin orve n'mal, пробуди ото сна горных ор,
zanë s'madhe falëmeshndet, главной зане поклон,
thuej: "Halili qetash mbet!" скажи ей: "Халиль сейчас пропадает!"»
(4: 611–620)

При внешней схожести ситуации и текста с рассмотренными выше примерами, в данном случае перед нами не завещание, а просьба, но просьба, которой трудно отказать. Завещание и просьба, оба эти речевые акта принадлежат сфере императивности, но между ними имеются существенные различия. Завещание как бы подводит черту под прожитой жизнью, оно в некотором смысле абсолютно и, по общепринятому мнению, должно неукоснительно исполняться. Напротив, просьба определяется конкретными обстоятельствами, она может быть выполнена, но может и не выполняться, но главное — излагающее просьбу лицо о ж и д а е т реакции на свою просьбу, строит планы на перспективу и надеется на будущее. Именно это и характерно для Халилия в его казалось бы безвыходном положении.

Литература

- Desnitskaya, A. V. 1983: To the study of monuments of customary law. *Voprosy yazykoznanija* 4, 64–74.
Десницкая, А. В. 1983: К изучению языка памятников обычного права. *Вопросы языкознания* 4, 64–74.
Stebelin-Kamensky, M. I. 1984: *Mir sagy. Stanovleniye literatury*. [Saga world. The formation of Literature]. Leningrad: Nauka.
Стеблин-Каменский, М. И. 1984: *Мир саги. Становление литературы*. Л.: Наука.
Ashta, K. 2009: *Leksiku historik i gjuhës shqipe*, V. Shkodër: Botimet Camaj — Pipa.
Çabej, E. 1976: *Studime etimologjike në fushë të shqipes*, II. Tiranë.
Çabej, E. 1996: *Studime etimologjike në fushë të shqipes*, IV. Tiranë.
Elsi R. 2001: *A dictionary of Albanian Religion, Mythology and Folk Culture*. New York University Press.
Epika — *Folklor shqiptar*, II. *Epika legjendare, vëll. i parë*. Tiranë, 1966.

- Fjalor 1981: *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. Prishtinë: Rilindja, Redaksia e botimeve.
- GRE: 2008: *Great Russian Encyclopedia*: [in 35 v.], v.10. Editor-in-chief Yu. S. Osipov, Moscow.
- БРЭ: 2008: *Большая российская энциклопедия*: [в 35 т.], т. 10. Гл. ред. Ю. С. Осипов. М.
- Kanun. 1933: *Kanuni i Lekë Dukagjinit (veper postume) permbledhë e kodifikue prej Shtjefen Konst.* Gjeçov. Shkoder.
- Kanun. 1972: *Kanuni i Lekë Dukagjinit. Përmbledhur dhe kodifikuar nga Shtjefën Gjeçovi. Me biografi dhe parathënje të Prof. dr. Syrja Pupovcit*. Prishtinë: Enti i teksteve dhe i mjeteve mësimore i KSAK.
- Murtezani, I. 2012: Baladat popullore me tematikë të flijimit. *Aktet V, 4. Journal of Institute Alb-Shkenca*. Revistë Shkencore e Institutit Alb-Shkenca, 665–671.
- Pašić, E., Pašić D. *Zakonik Leke Dukadinija: Pitanje kodifikacije Štjefena Konstantina Đecovija*. DOI: 10.5281/zenodo.3235281
- Pupovci, S. 1972: Kanuni i Lekë Dukagjinit (Origjina, zhvillimi dhe karakteristikat). *Kanuni i Lekë Dukagjinit. Përmbledhur dhe kodifikuar nga Shtjefën Gjeçovi. Me biografi dhe parathënje të Prof. dr. Syrja Pupovcit*. Prishtinë: Enti i teksteve dhe i mjeteve mësimore i KSAK, XVII–CX.
- Sako, Z. 1966: Éléments Balkaniques communs dans le rite de la Balade de l’Emmurement. *Studia Albanika*, 1966/2. Tiranë, 208–213.
- Shala, D. 1983: Këngët mbi Gjergj Elez Alinë. *Letërsia popullore*. Universiteti i Kosovës. Prishtinë, 236–239.
- Topalli, K. 2017: *Fjalor etimologjik i gjuhës shqipe*. Tiranë.